

А. Б. БРЕЙДАК

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ЛАТГАЛИИ

Латгалия представляет особый интерес для изучения контактов разных этнических групп и их языков, ибо в этой культурно-исторической области Латвии бок о бок с латгальцами (ретроспективно — латгалами) издревне живут поляки, белорусы, русские, литовцы, эстонцы и др.

В данной статье мы рассмотрим один случай фонетической интерференции — проникновение в говоры Латгалии гласного *э* (= блр., русск. *э*, польск. *e* после твердых согласных) из соседних славянских языков. Но вначале дадим общую характеристику языковой ситуации в этой культурно-исторической области Латвии.

Латгальские говоры входят в состав особого языкового союза, о котором В. Н. Топоров пишет: „Следует подчеркнуть значительную размытость границ балтийской языковой области на ее окраинах. Так, говоры юго-восточной Литвы, восточной Латвии, северо-восточной Польши и северной Белоруссии по многим признакам образуют определенное структурное единство (иногда дополняемое близостью генетически связанных элементов), позволяющее говорить об особом языковом союзе“¹. На наш взгляд, в этот союз входят также псковские говоры русского языка. Особенно близки контакты латгальских говоров с русским, белорусским и польским языками. Контакты эти оставили глубокие следы в лексике, фразеологии и синтаксисе латгальских говоров и в гораздо меньшей степени — в фонетике и морфологии этих говоров. Можно указать также на некоторые латгальско-литовские² и латгальско-эстонские языковые связи³.

¹ В. Н. Топоров, Балтийские языки (Введение), — Языки народов СССР, I. Индо-европейские языки, Москва, 1966, 456—457.

² О латгальско-литовских этических и языковых связях см. также: К. Būga, RR III 99—100, 568—572, 574; F. Kemps, Latgalieši, Rīgā, 1910, 46—47; L. Latkovskis, Latgaļu dialekts, — Rokstu krājums latgaļu drukas aizlīguma atceļšonas 40 gadu atcerei, Daugavpilī, 1944, 100; Д. Э. Земзаре, Гидронимы на территории Латгале, — Конференция по топонимике северозападной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений, Рига, 1966, 251.

³ О латгальско-эстонских этнических и языковых связях см. также: П. Аристэ, Случай языкового контакта в Латгалии, — LKK VI 137—148; A. Jansons, Ludzas igauņi, —

Характерной чертой языковой ситуации в Латгалии является двуязычие. Большинство латгальцев наряду с латышским языком (обычно в латгальской диалектной или литературной форме) владеют и русским языком. С другой стороны, часть русского населения Латгалии владеет и латышским языком. Трехязычие распространено в гораздо меньшей мере. Можно отметить следующие случаи трехязычия: а) белорусский – русский – латышский языки⁴; б) польский – латышский – русский языки; в) литовский – латышский – русский языки; г) эстонский – латышский – русский языки⁵ (случаи двуязычия и трехязычия в Латгалии см. в таблице).

Двуязычие и трехязычие в Латгалии

Таблица

Родной язык	Второй и третий языки						
		лтш.	русск.	блр.	польск.	лит.	эст.
Латышский		0	+	–	–	–	–
Русский		±	0	–	–	–	–
Белорусский		±	+	0	–	–	–
Польский		+	+	–	0	–	–
Литовский		+	+	–	–	0	–
Эстонский		+	+	–	–	–	0

Во второй половине XVI в., во времена Речи Посполитой, в Латгалии польский язык стал языком местного культурного общения. Эта роль за польским языком сохранилась до середины прошлого столетия. К концу феодального периода усилилось влияние русского языка на языки засе-

Latvijas PSR ZA vēstis, 1968, № 4, 19–28; А. Брейдак, Влияние прибалтийско-финских языков на латгальские говоры Лудзенского района Латвийской ССР, – Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов, Рига, 1970, 157–164; А. Breidaks, Par Baltijas somu un latgaļu etniskajiem sakariem, – Dzimtenes balss, 1972, Nr. 34–35.

⁴ Только часть белорусского населения Латгалии владеет латышским языком.

⁵ Последние два случая трехязычия крайне редки. По данным переписи населения 1930 г., в Латгалии проживало 953 литовца и 395 эстонцев. См. Latviešu konservācijas vārdnīca, X, Rīgā, 1933–1934, 20437–20438.

лявших Латгалию народов, в особенности после открытия русских школ в этой провинции. Языком межнационального общения всех заселяющих Латгалию народов русский язык стал еще в прошлом столетии⁶ и сохранил эту роль за собой до наших дней.

* * *

Сложность языковой ситуации иногда затрудняет диахроническое исследование латгальских говоров. На вопрос, как возникло какое-либо языковое явление, не всегда можно дать однозначный ответ. Это мы продемонстрируем на примере с гласным *э*.

В говорах средней и южной (главным образом юго-восточной) Латгалии имеется ненапряженный гласный звук переднего ряда среднего подъема, подобный русскому *э*, белорусскому *э* и польскому *e* после твердых согласных. Хотя он является гласным переднего ряда, произносится глубже в полости рта — между передней частью и серединой языка. Согласные перед этим гласным всегда твердые. О гласном *э* и его произношении впервые правильно указано в диалектологическом очерке Л. Латковского „Ливанский говор“⁷. В диалектологическом очерке В. Руке „Вишкский говор“, как нам кажется, неточно указано, что вышеупомянутый гласный — среднего ряда⁸. Хотя в латгальских говорах не так уж редко встречается гласный *э*, сведения о нем в диалектологических очерках, как правило, отсутствуют.

В говорах северной Латгалии гласный *э* не установлен.

В латышской диалектологической литературе имеются указания о наличии гласного *э* (*ε*) среднего ряда (!) в некоторых селонских говорах⁹. Идентичен ли он латгальскому *э* или действительно произносится глубже в полости рта, чем латгальский гласный *э*, — на этот вопрос сможет ответить только экспериментальная фонетика.

Гласный *э*, по нашим данным, имеется в трех исконнолатгальских словах латгальских говоров¹⁰: *lāts*² „большой“ Звиргздене, Карсава, Мердзене,

⁶ См. П. Аристэ, ук. соч., 137—138.

⁷ L. Latkovskis, *Līvānu izloksne*, — FBR XX 139.

⁸ V. Rūķe, *Višķu izloksnes apraksts*, — Ceļi. Rakstu krājums, IX, Rīgā, 1939, 374.

⁹ J. Bičolis, *Birziešu izloksne*, — FBR XII 66; V. Kancāns, *Kaldabruniešu izloksne*, — FBR XVII 48; *Latviešu valodas dialektoloģijas atlanta materiālu vākšanas programma*, Rīgā, 1954, 25. Ср. также Кр. Ancītis, *Par Aknīstes izloksni*, — FBR XV 166, 167, 170; A. Ābele, *Fonētikas sīkumi V*, — FBR XIV 198.

¹⁰ Из Калупского говора известна также форма *vāprys* (без указания на артикуляцию гласного *э*) наряду с формой *véprys* „боров“. См. A. Samuše, *Kalupes pagasta izloksnes apraksts*, — FBR XVIII 34.

Озолайне, Пилда, Резна, Сакстагалс, Цибла, *vənùs̥*² „тот (указывая на самый отдаленный предмет)“ Пилда, Цибла, *vətnàik*² „в те давно прошедшие времена“ (< **vətnàik*²) Пилда. Согласный перед гласным *ə* всегда твердый¹¹. Наряду с вышеупомянутыми употребляются также параллельные формы с гласным *e* переднего ряда, например, *l'èts*² „большой“ Звиргдене, Пилда, Цибла, *veñis̥*² „тот (указывая на самый отдаленный предмет)“ Пилда.

По мнению А. Абеле, гласный *ə* в слове *təts* возник из гласного *y* (= польск. *y*, русск., блр. *ы*) в результате сильной редукции¹². Такой же редукцией можно объяснить и возникновение формы **vəns*² „тот (указывая на самый отдаленный предмет)“ (< **vyns*² < **vinos*).

Гласный *ə* имеется также во многих заимствованных из соседних славянских языков словах (в том числе и в именах собственных) говоров юговосточной Латгалии, например, *aptəka* „аптека“ Аглона (в этом говоре существует и параллельная форма *aptyka*), Звиргдене, Пилда, Цибла (< польск. *apteka*, блр. *антэка*), *səgtyš* „кирпич“ Аглона, Звиргдене, Карсава, Озолайне, Пилда, Цибла (< польск. *cegła*, блр. *цэгла*), *əva*, междометие, Аглона, Звиргдене, Озолайне, Пилда, Цибла (< русск. *эва*), *rəskūot'* „пачкать, марать, мазать, грязнить“ Аглона (< блр. *пэцкаць*), *rəndzəl's* „кисть“ Аглона, Звиргдене, Пилда, Цибла (< польск. *peźdel*), *rərkal's* „ситец“ Аглона, Звиргдене, Пилда, Цибла (< польск. *perkal*, блр. диал. *пэркаль*), *vəjums* „вуаль“ Аглона, Звиргдене, Пилда, Цибла (< блр. *вэлюм*), *vəndžëit'* „коптить“ Аглона (< польск. *wędzić*, блр. *вэндзиць*), *Bərnats* Звиргдене, Пилда, Цибла (< польск. *Bernard*), *Səzars* Аглона, Озолайне, Пилда, Цибла (< польск. *Cezary*), *Stəpənc* Звиргдене, Пилда, Цибла (< польск. *Stefan*), *Təvadors* Аглона (< польск. *Teodor*), *Ju'zəpa* Звиргдене, Пилда (< польск. *Józefa*), *Pəļcā* Нирза (< польск. *Felicja*), *Təkļa* Аглона, Звиргдене, Озолайне, Пилда, Цибла (< польск. *Tekla*, блр. *Тэкля*), *Təgəza* Озолайне (< польск. *Teresa*), *Vəroņika* // *Vəra* Калупе (< польск. *Weronika*). Не может быть никакого сомнения, что в этом случае вместе с заимствованными словами в латгальские говоры проник и гласный *ə* из соседних славянских языков (польского, белорусского и, частично, русского).

Гласный *ə* входит также в состав дифтонгов *əi*, *əy* и *uə*.

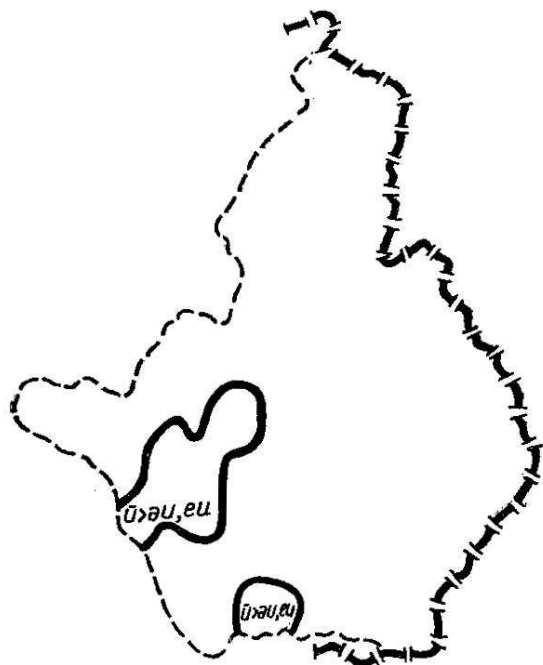
После твердых согласных долгий гласный *ī* изменился в *əi*¹³ в следующих говорах Латгалии: Варакляны, Варкава, Вишки, Галены, Извалта,

¹¹ В работе В. Руке неверно *ləts* „большой“. См. V. Rūķe, ук. соч. 374.

¹² А. Ābele, ук. соч. 198. И наоборот, в латгальских говорах наблюдается также перегласовка *ə > y*, например, *aptyka* „аптека“ Аглона (< *aptəka*).

¹³ В латышской лингвистической литературе этот дифтонг обычно транскрибируется неточно как *ei*.

Ливаны, Науене, Прейли, Рудзеты и, возможно, Бикерниеки, например: *səuka*² „свинья“, *dəuŋi*² „дым“, *krəuŋi* „кустарник“, *rəuŋä*² „сарай“ и др. Артикуляция первого компонента дифтонга *ə* происходит глубже в полости рта, чем артикуляция гласного *e* переднего ряда. На качество гласного *ə* повлиял предшествующий твердый согласный и второй компонент дифтонга — гласный *u* заднего ряда¹⁴. Следовательно — артикуляционная база

первого компонента дифтонга приблизилась к артикуляционной базе твердого согласного и второго компонента дифтонга. После же мягких согласных *l, ŋ* долгий гласный *ī* изменился в *ei*, например, *šņēukt*² „сморкать, сморкаться“, *šl'ēukt*² „скользить“ и др. Ареал *ī > ei, eu* см. на карте.

В говорах юго-восточной Латгалии дифтонг *ei* имеется также в некоторых словах, заимствованных из славянских языков. Дифтонг *ei* возник в междометии *ei* (Аглона, Звиргдене, Озолайне, Пилда, Цибла и др.) при сокращении полной формы *eva* (< русск. *эва*). В некоторых заимствованных личных именах, например, *Matēušs* Аглона,

Звиргдене, Пилда, Цибла и др. (< польск. *Mateusz*), *Tadēušs* Аглона, Звиргдене, Пилда, Цибла и др. (< блр. *Tadžyš*, польск. *Tadeusz*), дифтонгом *ei* передаются звуко сочетание белорусского языка *эў* и последовательность двух слоговых гласных *e-u* польского языка¹⁵. В личном имени *Tēudors* (Звиргдене, Озолайне, Пилда, Цибла и др.) дифтонгом *ei* передается последовательность двух слоговых гласных *e-o* польского языка (*Teodor*).

Дифтонг *əu* в некоторых латгальских говорах (Аглона, Бриги, Звиргдене, Озолайне, Пилда, Цибла и др.) установлен лишь в единственном слове — междометии *əu*, заимствованном из славянских языков (польск. *ej*, русск. *эй*). В данном случае дифтонгом *əu* передается звуко сочетание *ej* соседних славянских языков.

¹⁴ По мнению Л. Латковского, на качество гласного *ə* повлиял только второй компонент дифтонга — гласный *u* заднего ряда. См. L. Latkovskis, *Līvānu izloksne*, — FBR XX 139.

¹⁵ О последовательности двух слоговых гласных *e-u* в польском языке см. V. Falkenhahn, W. Zielke, *Grammatik der polnischen Sprache*, Berlin, 1957, 22.

Дифтонг *уэ* (*уэ*)¹⁶ имеется в междометии *пүэ*² некоторых латгальских говоров, возгласе, употребляемом для понукания лошади (Аглона, Звиргздене, Наутрены, Пилда, Цибла и др.), а также в словах после твердых согласных *r, š, ž, č, dž (ž)*, например, *рүэци*² „я рычал, рычала“ Озолайне, *рүэци*² „т.ж.“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *žүэл'эйги*² „жалобно“ Озолайне, *žүэл'эйги*² „т.ж.“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *čүаркст'ât*² „скрипеть“ Озолайне, *čүаркст'ât*² „т.ж.“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *čүэру* „я хватал, хватала“ Озолайне, *čүэру* „т.ж.“ Звиргздене, Пилда, Цибла, *džүэл's*² „изжога“ Звиргздене, Пилда, Цибла. Возникновение дифтонга *үэ, уэ* (< *ie*) после твердых согласных *r, š, ž, č, dž* можно объяснить следующим образом: после твердых согласных гласный *i* переднего ряда изменился в гласный *ү* или *у*, затем под влиянием первого компонента дифтонга и второй компонент — гласный переднего ряда *e* — изменился в *э*, следовательно, приблизился к артикуляционной базе первого компонента. Так как смягченные согласные *r, š, ž, č, dž* в части латгальских говоров отвердели под влиянием польского и белорусского языков¹⁷, то возникновение дифтонга *үэ, уэ* после твердых согласных можно толковать как проявление косвенного влияния польского и белорусского языков.

Рассмотрев все случаи употребления гласного *э* в говорах Латгалии, мы можем сделать следующие выводы: возникновение гласного *э* в говорах южной и средней Латгалии объясняется, во-первых, особенностями развития латгальского вокализма и, во-вторых, прямым или косвенным влиянием соседних славянских языков (польского, белорусского и, частично, русского). Заимствованные из славянских языков слова с гласным *э* бытуют в говорах юго-восточной Латгалии. Притом наблюдается следующая закономерность: чем дальше от границы между Латвийской и Белорусской ССР, тем меньше заимствованных слов с гласным *э*.

Гласный *э* в говорах Латгалии не является самостоятельной фонемой, а лишь вариантом фонемы [e]. Это положение подтверждается тремя обстоятельствами.

Во-первых, гласный *э* наличествует в ограниченном количестве слов, т.е. занимает периферийное положение в фонетической системе латгальских говоров.

¹⁶ Гласный *у* произносится между передней частью и серединой языка, по своим характеристикам занимает среднее положение между гласным *у* среднего ряда и гласным *i* переднего ряда. См. также М. Rudzīte, *Latviešu dialektoloģija*, Rīgā, 1964, 53.

¹⁷ См. А. Брейдак, Некоторые вопросы истории консонантизма и развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии, — *Baltistica I priedas* (1972) 43, 47—51.

Во-вторых, гласный *ə* часто является позиционным вариантом фонемы [e]: он выступает только после твердых согласных, после мягких же согласных выступает гласный *e*, например, *dəumí*² „дым“, но *šl'èukt'*² „скользить“ Варкава.

В-третьих, гласные *ə* и *e* не имеют смыслоразличительной функции. Гласный *ə* часто является факультативным вариантом фонемы [e]. Так, например, наряду с формами *l'èls*² „большой“, *v'eñis*² „тот (указывая на самый отдаленный предмет)“, *v'eļums* „вуаль“ в Пилде, *v'eprys* „боров“ в Калупе, *V'era* в Аглоне употребляются и формы *l'əls*², *v'ənyš*², *v'əļums*, *V'əra*.

SMULKMENOS

XIX

Rytų aukštaičių panevėžiškių tarmės šiaurinėje dalyje (pvz., Žeimėlio apylinkėse) kirtis atitraukiamas ir iš sangražinių veiksmažodžių galūnių 1. sg. *-úos(i)*, 2 sg. *-ies(i)*, pvz., *sòkas* 'sukúosi', *sòkęš* 'sukiesi'. Tai verčia suponuoti buvus formas **sukuòs(i)*, **sukiēs(i)* su tvirtagale galūne, nes tik nuo jos tarmėje kirtis atitraukiamas. Gal galūnės akūtas čia buvo pakeistas cirkumfleksu dėl *ā* kamieno *rašaiš* (> tarmėje *rāšos*) įtakos? Tokią mintį yra iškėlęs šios tarmės tyrinėtojas mokyt. J. Šliavas.

XX

A. Jakulis, palyginęs katekizmo tekstą, esantį abiejuose „Knygos nobažnytės“ leidimuose ir 1680 m. anoniminiame katekizme, konstatavo, kad įvardžio n. sg. f. forma *ji* 1680 m. katekizme ir pirmajame KN leidime rašoma *ij*, o antrajame – *ghi*, žr. Baltistica, VII(1), 90. Kadangi rašyba *ghi* 'ji' nebūdinga Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorijoje išėjusioms lietuviškoms knygoms, bet įprasta Rytų Prūsijos lietuvių raštijai (plg. J. Palionis, Lietuvių literatūrinė kalba XVI-XVII a., Vilnius, 1967, 21, 24 ir kt.), tai šią ypatybę reikia laikyti Rytų Prūsijos lietuvių raštijos darbuotojų, kurie prižiūrėjo knygos spausdinimą, ar netgi pačių spaustuvininkų, padaru. Tai, savo ruožtu, paremia bibliografų išvadą, kad KN II leidimas, kaip kontrafakcinis, buvo išspausdintas Karaliaučiuje, žr. Lietuvos TSR bibliografija, I, Vilnius, 1969, 154 (įrašas 419).